

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОННѢ
МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМ-
ПЬЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕН-
ВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРАКСТО,
ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА,
КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ,
ПАУЛЬДИНГА, БИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ,
И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

картъ, плановъ, портретовъ и изображеній замѣчатель-
нѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ
свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-
Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ нѣмъ, чѣмъ по оппечатапаніи предспавлено было
въ Цензурный Комитетъ надлежащее количество экзем-
пляровъ. Москва, Мая 9-го дня, 1857 года.

Цензоръ Д. Перовицковъ.

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

Океанія: (Малезія) острова Тиморъ, Борнео, Ява; Австралія (Новая Голландія), Новый Южный Валлисъ.

ГЛАВА LXXXVI.

МАЛЕЗИЯ. — ОСТРОВЪ ТИМОРЪ.

Сива наша оспавила Амбоинскую гавань 10-го Сентября. Послѣ нѣсколькихъ ушесовъ и низкихъ оспровковъ, копорыми усьяно здѣшнее море, мы пошли около оспрова *Тимора*, и на слѣдующій день оспановились въ главномъ его заливѣ, *Купангскомъ*, извъспномъ также подъ именемъ *Бабаоскаго*. Это обширная впадина, кажепся, неменѣе 5, или 6 льё углубленія, при 3-хъ, или 4-хъ ширины. Оспкрытая къ западу, она безопасна только съ начала Мая до конца Октября. По мѣрѣ шого, какъ углубляеппсь во внуипренноснѣ этого бассейна, земля высипся и выдвигаснся амфипеаппромъ. Берегъ развиваснся по немногу очеркомъ зеленѣющихъ приморьевъ, покрыпыхъ куспарниками, изъ коихъ высипавляюнся купы великольпныхъ кокосовъ. Голландская крѣпоснѣ *Конкордіа*, съ своими спѣнами, и палѣво небольшое Малайское селеніе, раздѣляемое рѣчкою,

дополняютъ карпину, удовлетворяющую зрѣніе общностью и подробностями. По срединѣ залива находится низкій островъ, именувый *Кса*, окруженный подводными камнями; онъ необитаемъ, какъ равно и два другіе острова, *Тикуръ* и *Буру*, находящіеся на В. онъ мыса *Пакула*, въ Ю. В. части залива.

Должно еще замѣтить широкую гряду коралловъ, извѣстную у Малайцовъ подъ именемъ *Мешики*. Черезъ полчаса послѣ нашего прибытія, ялъ бригга былъ уже у крепости Конкордійской крепости. Со стороны моря крепость эта имѣетъ природную ограду утесовъ, а съ сухаго пунта у нея стѣна, защищающая ее отъ всякихъ нападеній пугалцовъ. Но расположеніе мѣстное легко можетъ покорить ее высадкѣ хорошо устроеннаго войска. При большомъ приливѣ можно выйти подлѣ самой крепости, въ бухтѣ, находящейся у входа въ заливъ. При маломъ приливѣ надобно приставить къ приморью. Раздѣляемый на двѣ части рѣкою, черезъ него протекающею, Малайскій посадъ имѣетъ сообщеніе между двумя рѣчными берегами по мосту, деревянному, но прочно построенному. Голландская крепость онъ него на западъ, а Китайскій посадъ на восходъ. Стѣны съ двѣ домовъ, тамъ и сямъ, безъ порядка, безъ всякаго плана разбросанныхъ, состояющіе Малайское опдѣленіе. Почти все они построены изъ дерева, либо изъ пласиннаго бамбука, и состоятъ изъ одного этажа, возвышеннаго двумя ступеньками онъ земли. Внутренность посада такъ-же въ зелени, какъ будто лѣсъ и поле. Мангліеры и

огромныя Баніанскія фиговыя деревья образуютъ свѣрхъ каждой улицы непроницаемыя лиственный своды. Опъ этого происходитъ для домовъ по объ-
имъ споронамъ улицы усладительная свѣжеснъ, не-
ощущенная благоданъ въ экваторной полость земель.

Два дня могли мы посвященъ на обозрѣніе Ти-
мора. Нашъ эспафепный бригъ едва давалъ время
пассажирамъ своимъ дохнуть береговымъ возду-
хомъ. Надлежало довольствоваться тѣмъ, что Ку-
пангъ и его побережье представлялъ самаго любо-
пытнаго, а въ остальномъ ограничиться описані-
ми, какія одинъ за другимъ составляли Перонъ, Го-
гендорфъ, Фрейсине. Съ первой прогулки нашей во
внутренность земли, мы должны были сожалѣть,
что у насъ мало времени для обозрѣнія областей,
столь богатыхъ прекрасною растительностью. Ве-
личественныя пальмы, кольчатые ареки, съ ихъ
красивыми плюмажами, только въ промежуткахъ по-
зволяли видѣть весь ландшафтъ, но что успѣвали
мы разглядывать, по сосняло изъ восхищен-
ныхъ и различныхъ положеній. Въ самыхъ окрес-
ностяхъ посада, на долину болѣе открытую, за-
мѣтили мы Малайское кладбище, составленное изъ
маленькихъ каменныхъ памятниковъ, въ родѣ Рим-
скихъ *тумуловъ*. Форма ихъ, казалось, различается
согласно по важности покойника. Тутъ составляла
она четырехугольную, свѣрху срезанную пирамиду,
съ внутреннимъ сводомъ и съ четырьмя пирамид-
ками (pyramidions) по угламъ; здѣсь памятникомъ
былъ просто камень, съ кольцомъ посрединѣ; далѣе
являлся родъ площадки, составленной изъ двухъ

успуповъ, съ какимъ-то украшеніемъ сверху, изъ камней, загибаясь на углы; индѣ простая хижинка, съ дверью по срединѣ, возвышала свои наклоненныя кровельки, а еще опдѣльно, на холмѣ, объемля большое пространство, представлялся взорамъ квадратный голбець, изъ камней, съ огромными конпрофорсами, чптобы придашь ему нѣмъ большую прочноссть.

Всѣ окресиноспи Купанга украшены огородами и садами, большею часпью расположенными по берегамъ рѣки. Сюда богатые жипели Купанга удаляются для скрпнія себя опъ прибрежныхъ жаровъ. Приняпые въ одномъ изъ шакныхъ убъжищъ, мы долго удивлялись всему, чпо шупъ собрано прелеспей природы и прихотливыхъ удобствъ роскоши. Мъспечко это находилось въ прелеспной долинь, около льѣ разстояніемъ опъ города. Множеспво деревъсвъ, одни обремененныя цвѣтами, другія плодами, облагоуханный воздухъ, вода, журчавшая и скользившая по гранипнымъ унпсамъ, въперокъ шслеспившій между лиспьями, воркованье горлицъ, крики попугасвъ и плъшивыхъ *калао*—все способспвовало прелеспи этого очаровательнаго уединенія. Рѣка, огороженная занавѣсами высокихъ бамбуковинъ, походила на залу купальни, гдѣ владѣтели окресиноспней нѣжались въ долгіе часы зноя. Послѣ купанья цѣлымъ семейспвомъ, они ложились на рогожки, въ нѣни померанцовыхъ и шамариндовыхъ рощей. Тунъ, съ бесплемъ во рпу, сибарины Тиморскіе засыпаютъ, обмахиваемые молодыми невольницами, защища-

ющими дремоту ихъ опть докучныхъ насѣкомыхъ, при пособіи лапаньеровыхъ опахалъ.

Домъ, который пригласили насъ послѣ того поѣхавъ, расположенъ въ концѣ длинной аллеи, параллельной съ рѣкою. Аллея къ дому явилась намъ широкая и усыпанная пескомъ; она примыкала къ пруду, чепвероугольному и наполненному превосходною рыбою. За пѣмъ увидѣли мы широкой переспилъ, поддержанный колоннами, верхъ котораго образовывалъ родъ Кипайскаго кіоска, живописнаго и красиваго. Попомъ слѣдовалъ дворъ, и наконецъ самый домъ, окруженный двумя рядами вѣншихъ галлерей, съ поломъ и красивыми проспикновыми спульями. Садъ и домъ, со всѣми его принадлежностями, составляли обиталище богатой Малайки, вдовы одного изъ пуземныхъ владѣтелей. Это была женщина уже старая, нѣсколько пучная, но не поперявшая опть того ни благородства, ни величія. Одѣтая богатыми передниками, она вышла къ намъ съ полною молодыхъ дѣвушекъ, покрытыхъ бѣлыми пканями и съ волосами заплетенными на верхушкѣ головы. Нѣсколько невольниковъ, въ бѣлыхъ курткахъ и шароварахъ, казалось, ожидали только приказа для начатія услугъ. Едва только съѣли мы въ галлерей, посреди деревьевъ, цвѣтновъ, журчащихъ и бьющихъ водъ, всѣ невольники и невольницы засуетились объ угощеніи, которое слѣдовало намъ предложить. Оно было принесено шакъ скоро, что походило на волшебство. Сахарныя закуски на Кипайскихъ подносахъ, чай, конфекты, плоды, эссенціи, въ одно мгновеніе обнесли всѣмъ госпямъ, между пѣмъ

какъ царица дома, владѣтельница этого истинно-царскаго увеселительнаго жилища, распоряжала всѣмъ, съ самою вѣжливою заботливостію.

Послѣ угощенія, насъ поподчивали различными увеселеніями. Молодыя дѣвушки явились въ прелеспномъ костюмѣ; черные, намащенные ихъ волосы, собранные на головѣ *à la grecque*, поддерживались золотыми булавками; въ легкихъ передникахъ своихъ, упадавшихъ до половины ногъ, живыя и проворныя, онѣ подобились воздушнымъ сифидамъ. Молодые невольники, спойные и красивые, смѣшались съ толпою дѣвушекъ, и праздникъ начался, сперва пѣніемъ, потомъ плясками. Пѣніе, медленное и однообразное, одушевляла какая-то гармонія, проникавшая въ душу. Пляска женщинъ состояла изъ прелеспныхъ обороговъ, гдѣ выказывались роскошныя и гибкія формы тѣла. Пляска мужчинъ была въ военныхъ пантомимахъ, примѣрныхъ бипвахъ, иногда переходившихъ въ какую-то дикость. Мы видѣли потомъ Тиморскій турниръ на лошадяхъ, гдѣ соперники гнались одинъ за другимъ во всю прыть, успремивши впередъ копы, оспанавливаясь и увериваясь въ шу минушу, когда ударъ былъ неизбеженъ и ужасенъ. Спраненъ и спрашенъ видъ Тиморскихъ всадниковъ, когда они на прекрасныхъ лошадяхъ, складомъ своимъ напоминающихъ знаменитыхъ лошадей Арабскихъ, въ бѣлой, волнующейся по выпру курпкѣ, обвернувши голову планкомъ, изъ подъ копорого выюпся длинныя косицы волосовъ, съ руками, перепутанными въ кольцахъ, съ копьемъ въ одной, съ щинномъ въ другой рукѣ, сжимая но-

гами коня, ища соперника, убѣгая опѣ него, спалкиваясь съ нимъ, взмахивая другъ на друга копьями, мчались по аренѣ! Послѣ всадниковъ явились Омбайскіе дикари, съ сосѣдняго оспрова, снабжающаго Тиморъ рабами.

Эпи люди одѣшны были въ косиомахъ своей спороны. Волосы ихъ, взбишые на головахъ пучами, на подобіе Океанійцевъ, украшаются съ верху въпвями папороти, въ видѣ эгрешовъ; грудь и спину защищаютъ двойной щипъ, въ видѣ кираса, между нѣмъ какъ лѣвою рукою держатъ они шрепій щипъ. Съ переди щипъ оканчивается къ горлу ошейникомъ, а у задняго къ верху щипокъ, охраняющій опѣ внезапнаго удара; у щипа въ рукахъ вырѣзка, чпобы зрѣнію оспаваться свободнымъ, когда припомъ лицо сражающагося защищено. Одинъ изъ Омбайцовъ былъ вооруженъ Малайскимъ кинжаломъ, или *кри*, а другой копьемъ съ зубцами. Быспро устремлялись сражавшіеся другъ на друга, угрожая поразить одинъ другаго и уверпываясь опѣ ударовъ. Эпи военныя игры вдругъ переходили изъ одиночнаго поединка въ маленькую общую бипву, военные маневры. Сдвинувшись въ два ряда, воины изображали людей, ппхо идущихъ на опкрыпіе неспріятеля. И вдругъ, какъ будпо они опкрыли его, съ воплемъ все устремлялись впередъ, производя смѣшанные и продолжительные клики.

Наступилъ вечеръ, и мѣспю праздника освѣпили огнями. Спо зажженныхъ факеловъ держали невольники, какъ будпо неподвижные кандеабры, вокругъ спгнѣ залы. Музыка усилилась, и соспохла уже изъ

50-ти, или 60-ти гумгумовъ и тамшамовъ, далеко разносившихъ свою грозную гармонію. Танцовщицы явились снова, съ коронками передниками, безъ оружія, безъ щиповъ, украсивши головы и ноги липсьями лапаньера и цѣпсами малапи. Разнообразно плясали они при громъ оркестра и хоръ присутствующихъ. Родъ балетмейстера успанавливалъ ихъ пляску, то ускоряя, то замедляя мѣру. Эти новыя пляски изображали охоту и разныя гимнастическія упражненія. Движенія были медленны, но шакія кривлянья ихъ сопровождали, что вскорѣ плясунны задохлись и покрылись потомъ. Въ междудѣйствіяхъ молодыя невольницы, одѣтыя въ синихъ и красныхъ передникахъ, подносили намъ на большихъ плапо разные плоды, сахарную спряню, чай, ликеры, щегольски разснавленныя въ корзинкахъ.

Приглашенные на праздникъ, окресненные раджи прибыли довольно поздно, съ своими подругами, между копорыми можно было замѣтить прелесныхъ женщинъ. Всѣ эти раджи были красивые мужчины, съ важнымъ видомъ, одѣтые въ плапья съ разводами и цѣпсами. Каждый сидѣлъ на камышовомъ стулѣ, имѣя передъ собою маленькій споликъ, на которомъ спюла коробочка съ бенелемъ и арековыми зернами. Сзади каждаго были его подчиненные, свита, изъ людей опряню одѣтыхъ, съ длинными пиками въ рукахъ, подъ начальствомъ майордома, котораго легко было разпознашь по палкѣ съ серебрянымъ шарикомъ, доказательствомъ власпи его повелителя. Наконецъ, по споронамъ у раджей, на съдалицахъ гораздо ниже, находились жен-

щины, полузакрыпья, по случаю праздника вышедшія изъ своихъ гаремовъ. Женщины знаніе были закрыты гораздо пшачелье проспыхъ невольницъ. Передникъ, сходящій у нихъ до самыхъ ногъ, былъ прикрытъ еще длиннымъ платьемъ, ниспадавшимъ до половины ногъ и заспегнутымъ на поясъ золотыми булавами. Все это было надушено эссенціями и пахучими маслами. Опъ платье въяло бензумеъ и сандальнымъ деревомъ. Кромъ того, женщины жевали даже *какъудетъ*, придающій дыханію пріятный запахъ. Спраспъ къ благовоіямъ проспираспъ до того у здѣшнихъ женщинъ, что онъ успіаюнтъ поспіели свои пахучими цвѣтами, выюнтъ изъ нихъ вѣнки, ожерелья, запястья. Не только украшеніе составляютъ у Малайцовъ цвѣты, но образуютъ еще особенный нѣмой языкъ. Въ манерѣ, какимъ завязанъ цвѣпокъ, или листокъ бешеля, есть значеніе, изгѣспное въ языкѣ любовниковъ.

Мы оспавили наконецъ увеселенія, dospойныя Тысячи одной ночи, уже поздною ночью. Когда настало время прощаться съ хозяйкою, придцапъ ся служишелей опдѣлились опъ другихъ, взяли новыс смолиспые факслы, и образуя изъ себя два свѣнящіе ряда по дорогѣ, провожали насъ такимъ образомъ до Купанга.

Впрочемъ, только эспимъ и ознаменовалось пребываніе наше въ здѣшнемъ заливѣ. Мы не могли, какъ хотѣлось-бы намъ, слѣдовать дорожнику Перона во внутреннія обласпи Тимора, и повѣринъ справедливоспъ его замѣчаній, вообще носящихъ характеръ

романическій. Вотъ краткій очеркъ того, что ка-
жется положивельнымъ въ его изслѣдованіяхъ:

Въ С. З. части Тимора находится Португальское
заселеніе *Делли*, гавань на югъ отъ острова *Кам-
би*, куда проходитъ довольно опасный. *Манатати* так-
же Португальское заселеніе, въ 80-ти миляхъ отъ
Делли, и, вѣроятно, то самое, которое Дампьеръ
означалъ подъ именемъ *Купанга*. Гавань *Сикаколе* еще
заселеніе на этомъ берегу, подверженное опасности
отъ С. вѣтровъ, и съ труднымъ входомъ.

Въ милѣ на В. отъ *Купанга*, въ окрестностяхъ
его обширнаго залива, находится *Оба*, красивое мѣ-
стечко, за которымъ слѣдуетъ песчаная долина,
весьма обширная, называемая *Passer Panguian*, и
продолжающаяся до устья рѣки *Осана*. За нѣмъ
являются *Калапра*, *Лима*, и наконецъ *Осана-Кит-
киль*, важное заселеніе, противъ котораго прости-
раются на морѣ два низкіе острова, покрытые
пальмовыми деревьями. Дорога идетъ пономъ среди пре-
лестныхъ кокосовъ, увѣнчанныхъ лианами, до *Осана-
Бессасъ*, населеннаго 400 жителей, между коими счи-
тается нѣсколько *Кипайцовъ*. Перейдя сію точку,
находите дорогу уже не столь ровную. Тутъ
встрѣчается *Нонсуисъ*, гдѣ разводятся прекраснѣй-
шихъ и самыхъ быстрыхъ здѣшнихъ лошадей. Бро-
дя днемъ на свободѣ, онѣ бѣгутъ вечеромъ въ ко-
пюшню по голосу настуха своего, и эти коноводы
сущіе цензавры, ѣздящіе безъ узды и сѣдла. Далѣе
находятся: *Меники*, съ 300-ми жителей; ручьи *Та-
руссъ* и *Паннебенон* (послѣдній начинается свя-
щеннымъ, по причинѣ обитающихъ въ немъ кроко-

диловъ); *Нобаки* и *Панамутти*, маленькія селенія; *Цебелло*, гдѣ начинается обширная долина, идущая до горъ *Амфоа*, съверной цѣпи залива Купангскаго; *Бабао*, откуда идутъ болоша, кончающіяся только подлѣ городка *Олиама*. Эпопѣ городокъ собраніе проспорныхъ и прелесныхъ хижинъ, сквозныхъ и опѣненныхъ большими деревьями. Здѣсь видѣлъ я—говоритъ Перонъ—смейспва, живущія, подѣ власпью нѣсколькихъ спариковъ, совершенно паптріархальными нравами. Женщины прядутъ бумагу; мужчины плешутъ корзинки; дѣти, уже взрослыя, карабкаются по деревьямъ, между шѣмъ, какъ самыя маленькія, лежа въ бамбуковыхъ люлькахъ, качаются подѣ шѣнюю расписельныхъ громадъ.

Въ Олиама, Перонъ и его поварины убили крокодила, чучела котораго находился въ Музѣ Сада Расписній (*Jardin-des-Plantes*). Крокодилъ на Тиморѣ, какъ въ Египтѣ, живошное священнос. Цари Тиморскіе происходятъ опѣ крокодиловъ, и всѣ знатные люди, болѣе или менѣе, родня крокодилу. Восходя на пронъ, царь приносипѣ жершву свою земноводному чудовищу. Въ извѣспномъ мѣспѣ кладутъ припасы, до которыхъ крокодилъ жаденъ, и живошное, па извѣспный звукъ, является въ эпомъ мѣспѣ. Говорипѣ послѣ сего, чпо крокодилъ повинулся призыву царя, и поржеспвенно показывающъ его народу. Все эпо можно назващъ невинною глупоспью, но худо по, чпо эпимъ дѣло некончается. За пожраніемъ припасовъ слѣдуютъ приношеніе въ жершву молодой дѣвушки, которую обрекающъ на съденіе рѣчнымъ крокодиламъ. Убран-